

- В Москве прошел пятый уличный фестиваль видеоарта «Пусто»
- В Зальцбурге опять осовременили Шекспира

ФЕСТИВАЛЬ ТЕАТР

Молодые режиссеры сломали комедию

Коммерсантъ - 2006 - 28 авг. - с. 15

Вот уже несколько лет к числу самых интересных проектов Зальцбургского фестиваля принадлежит Young Directors Project — показ драматических спектаклей молодых режиссеров Европы. Легко ли быть молодым европейским режиссером, выяснял специально для «Ъ» АЛЕКСЕЙ МОКРОУСОВ.

Упор на молодость в названии такого фестиваля внутри фестиваля скорее дань традиции, чем реальности. Спектакли, которые отбираются для этой программы, поставлены для крупнейших театров Германии и Австрии, таких как Дойче театр в Берлине или гамбургский Талия-театр. Да и режиссеры, сюда приглашаемые (последние два года их отбором руководит Мартин Кушей), далеко не новички в профессии, хотя едва перешагнули 30-летний рубеж. Так, в 31 год Фридерике Келлер уже ставила и в Мюнхене, и в Вене, в прошлом году журнал «Театр сегодня» назвал ее открытием года, а с будущего сезона она станет штатным режиссером в драмтеатре Штутгарта. Где начнет, кстати говоря, с инсценировки тургеневского романа «Отцы и дети» (до этого Келлер, обожающая инсценировки, уже отметилась в русской литературе пелевинским «Поколением П» в дрезденском «Шаушпильхаусе»).

В Зальцбурге Келлер показывает спектакль, который с осени будет идти в венском Бургтеатре. Пьесу Петера Хандке «Неразумные вымирают» много ставили в начале 1970-х, когда она и была написана. Кинорежиссер Райнер Вернер Фасбиндер, в частности, инсценировал ее во Франкфурте. О Фасбиндере вспоминает посреди спектакля жена главного героя Германа Квитта (его блестяще играет Филипп Хохмайер, ее — Сасико Хара). Она пересказывает реальную историю фассбиндеровской актрисы. Вечером перед репетицией

«Неразумных» режиссер банально ее избил, но наутро, в кровоподтеках и синяках, она явилась в театр: дескать, упала с лестницы, а работа превыше всего. Вставная история о чувстве долга и обстоятельствах его выполнения как нельзя лучше подходит для спектакля Фридерике Келлер. 30 с лишним лет назад Хандке писал сатиру на предпринимателей, причем сатиру интеллектуальную. Череду сменяющихся сценок из жизни средней руки капиталистов складывается в итоге во впечатляющую гиперболу о людях, больше всего на свете интересующихся лишь одним, и это не футбол, не женщины, а прибыль.

Келлер, впрочем, пытается поменять ударения местами и очеловечить владельцев акций и ценных бумаг, составляющих мелкие экономические заговоры, ради того чтобы стать еще богаче. И правда, в Европе все равно невладевшие практически уже не осталось, что же — самих себя теперь изобличать? Это левые пытались себе присвоить Хандке, сказала Келлер на обсуж-

ного в общественном мнении присвоен ему давно. От всей этой ситуации определенные проблемы испытывали, по их признанию, и некоторые актеры на репетициях «Неразумных», но потом и им удалось научиться разделять художника и политика.

Вопреки желанию наделять предпринимателей человеческим и иным обаянием, у госпожи Келлер получился ехидный, едкий и очень смешной спектакль. Сами декорации — бесконечные огромные стекла, посреди которых, как в аквариуме, заключены герои (художник Сабине Кольшtedt), определяют воздух отчужденности, которым они дышат. Смотреть на этих персонажей можно долго, настолько забавны их диалоги и так выразительна игра. Любить их невозможно совершенно. И все отношения семейных пар, которые предстают на сцене, отдадут отчуждением, если не вовсе могильным холодом. Даже выбор на роль жены Квитта актрисы с азиатской внешностью, с трудом говорящей по-немецки, оказывается знакомым: в современной Европе

кой на почве всеобщего восторга. Никого не пугает, что «Много шума из ничего», начавшись за здравие, закончилась за упокой. Хотя ничто не предвещало такого вот конца. Разве что экипировка современных военных: из Ренессанса действие перенесено в наши дни, и слова «Война окончена» принадлежат уже людям, возвращающимся то ли из Сербии, то ли из Ирака.

Первый акт, разыгрываемый в шапито в Фольксгартене, сделан в лучших традициях комедийного балагана. Актеры зазывают зрителей поучаствовать в действе: покричать имена персонажей, пошутиться или просто громко сказать: «Да». Приемы незамысловатые, но действуют безотказно. От хохота зрители валились со скамеек. Плюс современные двусмысленные атрибуты — мопеды, мороженое и револьверы, плюс насущные проблемы в духе «Секса в большом городе», да еще обсуждаемые по мобильнику, да во время занятий фитнесом.

Но после антракта наступила проза жизни. Военное прошлое героев начинает прорезаться нервными срывами. Сперва принц (закомплексованный мачо в исполнении Йорга Козловского) убивает отца невесты Леонато (Гарольд Баумгартнер), затем смертельно ранит Бенедикта (Александр Симон); кончает жизнь самоубийством его брат (Даниэль Ховельс). В общем, от сказки остался один дым. История, конечно, не новая, но к неизбежной тайне театра относится как раз это умение рассказывать обо всем словно впервые. Многим подобное осовременивание классики кажется занятием пустым: дескать, играли бы себе, как оно было... Но зритель меняется вместе со временем, и ему просто необходимо увидеть Шекспира сегодняшними глазами. И ничего не поделаешь, если комедия при этом плавно перерастает в трагедию.

Ничего не поделаешь, если комедия плавно перерастает в трагедию

дении спектакля с публикой (по фестивальной традиции оно прошло сразу после премьеры), а вообще-то драматург — явление куда более сложное. То, что Хандке непрост, сегодня понятно всем. Недавний скандал, разгоревшийся вокруг присуждения ему премии Гейне, еще не успел остыть. Возмущение многих вызвали политические взгляды Хандке, его отношение, в частности, к сербской войне, где он не совпал с большинством соотечественников, и его визит на похороны Слободана Милошевича. От получения премии Хандке в итоге отказался сам, тем более что статус отвержен-

можно выписывать себе жен из Малайзии и Таиланда, но чело-веколюбие здесь ни при чем.

Пьеса Хандке проходит по разряду комедий. Этот жанр стал в нынешнем году главным для всей драматической программы Зальцбурга, что не мешает, впрочем, постановщикам радикально переосмыслить его дух. Комедию для гамбургского Талия-театра поставил и Даавид Беш. Как и Келлер, 27-летний Беш тоже стал уже штатным режиссером — в театре Эссена. Его спектакли собрали множество наград на международных смотрах, да и критика в кои-то веки решительно объединилась с публи-

6
3